

Анализ спилловер-эффектов в экономической литературе в контексте протекания интеграционных процессов

Шкиотов Сергей Владимирович 

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что размер и роль российской экономики среди государств-членов ЕАЭС, а также масштаб текущих политических и экономических вызовов, делают ее главным генератором негативных экономических процессов на пространстве Союза. Понимание спилловер-эффектов, возникающих в процессе интеграции будет способствовать сокращению негативных внешних экономических шоков на пространстве ЕАЭС. Цель статьи – идентифицировать спилловер-эффекты в экономической литературе в логике развития интеграционных процессов. В обзоре литературы анализируются актуальные источники, связанные с экономическим контекстом спилловер-эффектов. В данной статье представлена вторая часть обзора литературы, позволяющая идентифицировать спилловер-эффекты, возникающие в процессе интеграции рынков, стран и отдельных регионов в экономической литературе. В результате проведенного исследования установлено, что в экономической литературе сложился определенный консенсус в понимании спилловер-эффектов прежде всего в аспекте интеграции финансовых и ресурсных рынков.

Ключевые слова: спилловер-эффекты, обзор литературы, интеграция, финансовые рынки, распространение кризисных явлений.

JEL codes: D62; F15; I26; R12

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Анализ спилловер-эффектов в экономической литературе в контексте протекания интеграционных процессов / С.В. Шкиотов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №10. - С.147-157. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.10.2023)

Введение

Размер и роль российской экономики, а также масштаб текущих политических и экономических вызовов, делают ее главным генератором негативных экономических процессов на пространстве ЕАЭС. В этом смысле важно оценивать не только сами издержки, но и понимать каналы «перетока» кризисных явлений на пространстве ЕАЭС. Первым этапом исследования столь масштабной научной проблемы является определение базовых понятий, установление консенсуса, который уже сложился в научной литературе по данной проблематике [1].

В предыдущем исследовании было установлено, что под спилловер-эффектами авторы, по сути, понимают экстерналии, т.е. побочные эффекты деятельности, влияющие на благосостояние третьих лиц; спилловер-эффекты исследуются в контексте: а) цепного распространения кризисных явлений между странами; б) трансфера знаний на страновом или региональном уровне; в) влияния ПИИ на развитие компаний, отраслей и экономики страны в целом; спилловер-эффекты могут оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на экономику [1].

Цель данного исследования – идентификация спилловер-эффектов в экономической литературе, в контексте протекания интеграционных процессов.

Методика исследования

Отбор источников для написания обзора литературы проводился в трех депозитариях научных статей:

- Национальная электронная библиотека (<https://www.e-library.ru>)
- КиберЛенинка (<https://cyberleninka.ru>),
- Mendeley (<https://www.mendeley.com>).

Поиск велся по тегам: «спилловер-эффекты», «спилловер», «интеграция», «ЕАЭС», «spillover effect», «integration», «EAEU».

Границы поиска: 2010-2023 гг., экономические науки.

Язык поиска, источников: русский и английский язык.

На первом этапе по указанным критериям было отобрано 63 источника.

На втором этапе был проведен отсев источников для анализа: исключались малозначимые работы (тезисы, научные сообщения и материалы региональных конференций); работы, не относящиеся к предметной области, а также работы, содержащие уже выявленные ранее понятия и закономерности [1].

Итоговая выборка составила 41 источник. В данной статье представлена вторая часть обзора литературы, позволяющая идентифицировать спилловер-эффекты возникающие в процессе интеграции.

Основная часть

Ma, Zou, Huang & Lv (2020) рассматривают взаимосвязь между спилловер-эффектами, интеграцией рынков и занятостью в контексте либерализации финансовых рынков и распространением финансовых кризисов. Авторы приходят к выводу о том, что либерализация и интеграция финансовых рынков в Азиатско-Тихоокеанском регионе привела к усилению влияния Китая на рынок ценных бумаг других государств этого региона. Более того, финансовая либерализация и финансовые кризисы выступают в качестве своеобразного мультипликатора для спилловер-эффектов с одной стороны, и усиливающейся финансовой интеграции для рынка ценных бумаг, с другой [2].

Hung (2020), исследуя спилловер-эффекты волатильности на рынках стран Восточной Европы после финансового кризиса 2007 года, установил, что темпы распространения волатильности внутри таких стран как Венгрия, Польша, Чехия, Румыния и Хорватия ниже, чем темпы спилловер-эффекта волатильности между странами [3]. Т.е. волатильность распространяется быстрее на межстрановом, нежели на локальном уровне.

Hafner (2014), оценивая влияние спилловер-эффектов трансфера технологий на пространстве Европейского союза, выявил, что для таких стран как Португалия и Испания эти эффекты значимы (для первой страны спилловер-эффект распространялся через канал патентов, для второй – через торговлю и ПИИ). Более того, внутренние НИОКР и образование выступают в качестве главных драйверов роста производительности труда интегрирующихся государств Европы [4].

Camera, Hohl & Weder (2023) исходят из противоречия между экономической теорией описывающей весомые выгоды от процессов интеграции и реальной практикой (в частности, Брекситом), сигнализирующей о наличии неких выгод экономической дезинтеграции. Данные, приведенные в исследовании, показывают, что неравенство потенциальных выгод от интеграции практически никак не влияет на ее непосредственную поддержку в обществе. Однако со временем, интеграционные процессы могут привести к определенному накоплению разочарования в обществе, недовольному неравномерно распределёнными выигрышами от интеграции. Именно поэтому, при разработке политики экономической интеграции необходимо учитывать и косвенные, т.н. спилловер-эффекты интеграции, оказывающие влияние на настроения в обществе. Неправильный учет этого поведенческого аспекта может подорвать намеченные цели развития и послужить поводом для призывов к резкому изменению политики в отношении интеграции [5].

Mata, Razali, Bentes & Vieira (2021) на примере таких стран как Малайзия, Таиланд, Индонезия, Сингапур, Вьетнам, Южная Корея, Япония, Китай, Филиппины и Гонконг изучают влияние спилловер-эффектов, возникающих в результате интеграции рынков на экономическое развитие этих экономик, в частности рынка недвижимости (макроэкономические факторы имеют высокую степень

корреляции с показателями рынка недвижимости). Исследовательская задача, поставленная в работе – оценить влияние спилловер-эффектов волатильности для паназиатских экономик. Результаты исследования говорят о высокой волатильности котирующихся на бирже компаний, занимающихся недвижимостью, зарегистрированных в Гонконге и Китае, в то время как в Сингапуре, Японии и на Филиппинах спилловер-эффект волатильности практически отсутствует. Наиболее значимыми макроэкономическими факторами, оказывающими влияние на спилловер-эффект волатильности для паназиатских экономик, являются – ВВП и предложение денег в экономике. Практическая значимость исследования заключается в понимании того, что разная восприимчивость паназиатских экономик к волатильности – важный фактор для принятия инвестиционных решений [6].

Habiba, Peilong, Zhang & Hamid (2020) также исследуют тематику спилловер-эффектов волатильности в контексте интеграции рынков ценных бумаг США и стран Южной Азии [7]. Авторы отмечают, что: 1) фондовый рынок США оказывает непосредственное влияние на развивающиеся рынки данного региона; 2) асимметричный спилловер-эффект волатильности значим для фондовых рынков Азиатских стран в период до-, во время и после кризиса; 3) спилловер-эффект волатильности проявляется более явно в периоды финансовых потрясений; 4) у Южно-азиатских экономик различная восприимчивость к переливу волатильности из США (например, для Индии и Шри-Ланка она выше, чем у Пакистана); 5) понимание страновой восприимчивости к волатильности помогает инвесторам диверсифицировать портфель активов и, тем самым, снизить инвестиционные риски.

Liu, Hu, Yan, & Chang (2023) – исследуют спилловер-эффект волатильности между интегрирующимися рынками углеродных выбросов и энергетическим рынком Европы. Авторы так же поддерживают вывод об усилении спилловер-эффекта волатильности в условиях экономической и политической турбулентности. И, если вывод о том, что между рынком угля и рынком углеродных выбросов есть корреляция – ожидаем, то вот наличие связи между рынком возобновляемых источников энергии и карбоновым рынком, еще только предстоит осмыслить [8].

Nawaz & Mangla (2021), опираясь на эмпирический анализ 35 азиатских экономик (2006-16 гг.), приходят к заключению – инфраструктура оказывает положительное значимое воздействие на региональное развитие, причем не только напрямую, но и косвенно, через спилловер-эффекты. Причем, если качество инфраструктуры прямо влияет на региональное развитие, то количественные характеристики инфраструктуры – косвенно. Более того, количественные характеристики инфраструктуры значимее для регионов, а качественные для страны в целом. Анализ показал, что положительные спилловер-эффекты развития инфраструктуры существенно усиливаются за счет процессов региональной интеграции, а также институционального развития. В целом развитие инфраструктуры для экономик Азии – важнейший драйвер экономического развития и снижения уровня бедности. Тесная взаимосвязь инфраструктуры, институтов и региональной интеграции должна учитываться правительствами при разработке проектов инфраструктурного развития [9].

Zhang, Sha & Xu (2021) отмечают, что глобальные интеграционные процессы (2009-20 гг.) привели не только к большей связанности стран, но и проявили динамические спилловер-эффекты волатильности между странами большой семерки и БРИК. Так, страны большой семерки выступают в качестве экспортеров рисков, а страны БРИК, соответственно, являются их реципиентами. В целом страны большой семерки генерируют больше спилловер-эффектов волатильности для рынков других стран, чем страны БРИК. Дальнейшая интеграция финансовых рынков, европейский долговой кризис, торговая война между США и Китаем, а также пандемия коронавируса – это факторы, способствующие быстрому нарастанию спилловер-эффектов волатильности в глобальной экономике [10].

Georgiadis (2016) указывает на то, что монетарная политика американских властей создает значимые спилловер-эффекты для остального мира, причем их величина больше, чем для самой американской экономики. При этом значимость спилловера для принимающей экономики зависит от уровня финансовой и торговой интеграции страны, гибкости рынка труда, структуры промышленности и включенности в глобальные цепочки создания стоимости. Впрочем, здесь нет никакой линейной за-

висимости [11]. Любопытно, что экономисты, которые больше всего страдают от спилловер-эффектов со стороны традиционной монетарной политики Федерального резерва, также пересмотрели прогнозы роста в сторону понижения в 2013 году, когда ФРС начал обсуждение сворачивания программ количественного смягчения. Результаты данной работы свидетельствуют о том, что политики могут снизить уязвимость своих экономик перед спилловер-эффектами со стороны монетарной политики США, через усиление интеграции в сфере торговли, развитие финансовых рынков, повышение гибкости обменных курсов и снятие ограничений на рынке труда. Другие меры экономической политики, такие как сдерживание финансовой интеграции, индустриализации или участия в глобальных цепочках создания стоимости, могут смягчить спилловер-эффекты от монетарной политики США, но, скорее всего, приведут к снижению темпов экономического роста в долгосрочной перспективе [11].

Arin, Caporale, Kyriacou & Spagnolo (2020) исследуют финансовые спилловер-эффекты на пространстве 4 крупнейших (по капитализации) финансовых рынков арабских государств Персидского залива. Поскольку Объединенные Арабские Эмираты являются федерацией, имеющей целых две фондовых биржи (в Абу-Даби и Дубае), то авторы исследования верифицируют дополнительную гипотезу о том, – имеет ли принадлежность к федеральному союзу большее значение для финансовой интеграции, чем размер (капитализация) рынка? Результаты исследования указывают на то, что последнее имеет большее значение (авторы не нашли доказательств более тесных связей между рынками Абу-Даби и Дубая по сравнению с рынками других стран региона). Так, существенные спилловер-эффекты для всех остальных стран Персидского залива генерирует именно крупнейший рынок региона – т.е. рынок Саудовской Аравии, следовательно, капитализация рынка – более важный фактор финансовой интеграции, чем принадлежность к федеральному союзу. В статье можно выделить еще два важных вывода: 1) спилловер-эффекты на анализируемых рынках только усилились после нефтяного кризиса 2014 года; 2) меньшие по капитализации рынки – также генерируют ответные спилловер-эффекты в сторону больших по размеру рынков [12].

Kemme, Akhmetzaki & Mukhamediyev (2021) указывают на то, что прямые и косвенные спилловер-эффекты от прямых иностранных инвестиций, положительно влияющие на темпы экономического роста, зачастую невозможно предсказать, в силу их специфичности. Отчасти это может быть объяснено тем, что влияние ПИИ на принимающую экономику не всегда можно четко отделить от выгод связанных с заключением соглашений о свободной торговле или таможенном союзе, поскольку они заключаются одновременно, и могут дополнять или замещать потоки ПИИ. В работе авторы на примере функционирования ЕАЭС исследуют влияние эффектов региональных торговых соглашений на потоки ПИИ. Результаты исследования позволяют говорить о том, что создание ЕАЭС не стимулировало приток ПИИ, впрочем, необходимо понимать, что темпы роста экономик этого интеграционного объединения слабо связаны с иностранными инвестициями [13].

Likhacheva (2021) отмечает, что большинство исследований, посвященных вопросам эффективности санкций против России и ответных контрсанкций со стороны России выстраиваются вокруг их незамедлительного и прямого воздействия на участвующие в противостоянии стороны. При этом забывая о том, что сложность последствий таких комплексных санкций выходит далеко за пределы стран-интересантов, кроме того, сами санкции генерируют позитивные и негативные спилловер-эффекты, которые мало кто принимает в расчет. Автор анализирует 3 спилловер-эффекта санкционного противостояния России и Запада: 1) санкции стали катализатором для диверсификации внешне-экономических связей России в рамках проектов ЕАЭС/БРИКС/«разворота на Восток»; 2) санкции способствуют проведению более чувствительной к рискам политики в области обеспечения национальной экономической безопасности, особенно когда речь идет о финансах; 3) санкции, по сути, стали инструментом трансформации национальной стратегии развития как на уровне регионов, так и на уровне предприятий [14].

Mukhamediyev & Spankulova (2022) исследуют влияние расходов на НИОКР, технологических инноваций, расходов на образование и здравоохранение, социально-экономических условий в целом

на региональное развитие, а также возникающие, в связи с этим, спилловер-эффекты на межрегиональном и межстрановом уровне. Авторы указывают на то, что влияние соседних стран на динамику регионального развития как правило остается вне поле зрения современных исследователей. В результате проведенного исследования, авторами идентифицированы асимметричные спилловер-эффекты, связанные с расходами на НИОКР и технологическими инновациями, которые возникают между Россией и Казахстаном, и оказывают влияние на динамику регионального развития в этих экономиках [15].

Osório & Pinto (2020) рассматривают спилловер-эффекты как один из факторов нарастающего неравенства общества по доходам. Авторы исходят из предположения о том, что: 1) быстрое развитие технологий и процессы горизонтальной интеграции приводят к перераспределению доходов в обществе в пользу наиболее богатых слоев; 2) высококвалифицированные работники в IT-сфере получают сверхвысокие доходы, также как и собственники капитала, извлекающие сверхприбыль из-за снижения уровня конкуренции в следствие развития интеграционных процессов и внедрения инноваций; 3) при этом спилловер-эффекты перетока знаний явным образом не содействуют выравниваю неравенства общества по доходам [16].

Wang & Shih (2013) исследуют спилловер-эффекты доходности и волатильности на развивающихся европейских рынках. Результаты работы показывают, что укрепление или обесценение национальной валюты может предопределить степень интеграции и возникновение спилловер-эффектов для этих рынков. Так, влияние укрепление курса национальной валюты на уровень региональной интеграции выше в странах с режимом плавающего обменного курса (чем в странах с жестким валютным контролем). Глобальный спилловер-эффект доходности оказывает более сильное воздействие на уровень доходности в Европе, когда развитые европейские экономики находятся в состоянии рецессии. При этом спилловер-эффекты волатильности на региональном (европейском) уровне тесно связаны с темпами роста экономик [17].

Fukuda, Kimura, Sudo & Ugai (2013) оценивают влияние спилловер-эффектов монетарной политики США на страны мира в контексте углубляющейся глобализации. Авторы отмечают, что негативное влияние шоков американской монетарной политики было особенно сильно в 1990-е: в странах Латинской Америки и Азии наблюдалось снижение объемов производства. Напротив, в 2000-е значение спилловер-эффекта на эти экономики существенно снизилось, даже несмотря на усиление интеграционных процессов. Авторы объясняют это понижением значимости американской экономики в целом, а также усилением национальной монетарной и валютной политики в анализируемых странах [18].

Dine (2019) изучает влияние включенности Турции в глобальные цепочки создания стоимости на уровень занятости в экономике. В исследовании отмечается, что создание рабочих мест в турецкой экономике зависит не только от интеграции страны в эти глобальные цепочки, но и от включенности сопутствующих секторов в интеграционные процессы – т.е. речь идет о наличии значимого спилловер-эффекта между связанными секторами экономики. Более того, наибольшие выгоды от интеграции в глобальные цепочки создания стоимости (через обратные связи) получает занятость в обрабатывающей промышленности; однако при увеличении обратных связей в соседних секторах занятость снижается. Кроме того, интеграция Турции в глобальную экономику (через прямые связи) приводит к вытеснению национальной рабочей силы в секторе услуг [19].

Law, Tee & Lau (2019) анализируют кратко- и долгосрочные эффекты финансовой интеграции на независимость национальной монетарной политики. Результаты исследования указывают на то, что влияние валютных резервов на независимость денежно-кредитной политики усиливается с ростом уровня финансовой интеграции. Это говорит о положительном влиянии спилловер-эффекта финансовой интеграции на независимость национальной денежно-кредитной политики. Укреплению независимости монетарной политики способствует и наращивание национальных валютных резервов (их величина способна нейтрализовать негативные спилловер-эффекты финансовой интеграции).

Интересно, что по мнению авторов, стабильный обменный курс валюты ослабляет положительное влияние валютных резервов на независимость национальной денежно-кредитной политики [20].

Qarni & Gulzar (2018) изучают влияние спилловер-эффектов доходности и волатильности от краха Шанхайской фондовой биржи (SSE) на ее основных торговых партнеров: США (S&P 500), Германию (DAX), Японию (Nikkei 225), Южную Корею (KOSPI) и Гонконг (HSI). Полученные результаты свидетельствуют: 1) о большей значимости для исследуемых рынков спилловер-эффекта доходности (чем волатильности); 2) низком влиянии спилловер-эффектов краха SSE на фондовые рынки США и Германии; 3) и, напротив, значимом влиянии краха SSE на рынок Гонконга (это указывает на важность географической близости фондовых рынков). Полученные в результате исследования данные позволят международным инвесторам лучше диверсифицировать свои активы с учетом понимания значимости географии рынков и фазы экономического цикла [21].

Darfo-Oduro & Stejskal (2022) отмечают, что одним из ключевых преимуществ глобальной экономики являются выгоды от перетока знаний и технологий между странами. Спилловер знаний из-за рубежа является важнейшим фактором, дополняющим и усиливающим инновационную активность внутри страны – консенсус, сложившийся в экономической литературе к настоящему моменту. Однако результаты, полученные в ходе проведенного авторами исследования, противоречат этому консенсусу, – ПИИ как канал спилловера знаний не оказывает значимого влияния на инновационную активность компаний в странах ОЭСР [22].

Goczek & Witkowski (2023) анализируют влияние спилловер-эффектов нетрадиционной монетарной политики ЕЦБ на политику инфляционного таргетирования Центральными банками Восточной Европы (в интервале 2000-19 гг.). Авторы приходят к выводу о том, что спилловер-эффекты традиционной и нетрадиционной монетарной политики ничем друг от друга не отличаются. Межстрановые спилловер-эффекты монетарной политики прежде всего распространяются через канал принятия рисков (а не через канал облигаций/процентных ставок) и принимают форму повышенной взаимной волатильности [23].

Заключение

Проведенный анализ литературных источников позволяет сделать ряд выводов:

1. Спилловер-эффекты в экономической литературе как правило рассматриваются в контексте финансовой интеграции рынков (это логично, с учетом скорости финансиализации глобальной экономики).

2. Можно выделить два спилловер-эффекта финансовой интеграции – волатильности и доходности, причем разные страны имеют разную устойчивость к внешним финансовым шокам.

3. Основные генераторы спилловер-эффектов финансовой интеграции – крупнейшие экономики мира, основные каналы распространения – монетарная политика ФРС и ЕЦБ.

4. Финансовая и экономическая турбулентность – своеобразные катализаторы спилловер-эффектов интеграции в глобальной экономике.

5. Спилловер-эффекты многообразны и могут оказывать не только положительное (рост производительности труда, приток ПИИ и знаний в экономику, развитие инфраструктуры и увеличение ВВП), но и отрицательное воздействие на экономику (рост волатильности на рынках, риск потери рабочих мест, усиление проблемы неравенства в доходах общества и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкиотов, С.В. и Маркин, М.И. (2023). Анализ спилловер-эффектов в экономической литературе. Теоретическая экономика, 104(8), 76-86. URL: <http://theoreticaleconomy.ru/index.php/tor/article/view/465>
2. Ma, X., Zou, D., Huang, C., & Lv, S. (2020). China's growing influence and risk in Asia-Pacific stock markets: evidence from spillover effects and market integration. *Risk Management*, 22(4), 338–361. <https://doi.org/10.1057/s41283-020-00065-0>
3. Hung, N. T. (2020). An analysis of CEE equity market integration and their volatility spillover effects. *European Journal of Management and Business Economics*, 29(1), 23–40. <https://doi.org/10.1108/EJMBE-01-2019-0007>
4. Hafner, K. A. (2014). Technology spillover effects and economic integration: evidence from integrating EU countries. *Applied Economics*, 46(25), 3021–3036. <https://doi.org/10.1080/00036846.2014.920479>
5. Camera, G., Hohl, L., & Weder, R. (2023). Inequality as a barrier to economic integration? An experiment. *Experimental Economics*, 26(2), 383–411. <https://doi.org/10.1007/s10683-022-09777-4>
6. Mata, M. N., Razali, M. N., Bentes, S. R., & Vieira, I. (2021). Volatility spillover effect of pan-asia's property portfolio markets. *Mathematics*, 9(12). <https://doi.org/10.3390/math9121418>
7. Habiba, U. E., Peilong, S., Zhang, W., & Hamid, K. (2020). International stock markets Integration and dynamics of volatility spillover between the USA and South Asian markets: evidence from Global financial crisis. *Journal of Asia Business Studies*, 14(5), 779–794. <https://doi.org/10.1108/JABS-03-2019-0071>
8. Liu, J., Hu, Y., Yan, L. Z., & Chang, C. P. (2023). Volatility spillover and hedging strategies between the European carbon emissions and energy markets. *Energy Strategy Reviews*, 46. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2023.101058>
9. Nawaz, S., & Mangla, I. U. (2021). The economic geography of infrastructure in Asia: The role of institutions and regional integration. *Research in Transportation Economics*, 88. <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2021.101061>
10. Zhang, P., Sha, Y., & Xu, Y. (2021). Stock Market Volatility Spillovers in G7 and BRIC. *Emerging Markets Finance and Trade*, 57(7), 2107–2119. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2021.1908256>
11. Georgiadis, G. (2016). Determinants of global spillovers from US monetary policy. *Journal of International Money and Finance*, 67, 41–61. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2015.06.010>
12. Arin, K. P., Caporale, G. M., Kyriacou, K., & Spagnolo, N. (2020). Financial Integration in the GCC Region: Market Size Versus National Effects. *Open Economies Review*, 31(2), 309–316. <https://doi.org/10.1007/s11079-019-09554-6>
13. Kemme, D. M., Akhmetzaki, Y., & Mukhamediyev, B. M. (2021). The effects of the Eurasian Economic Union on regional foreign direct investment and implications for growth. *Journal of International Trade and Economic Development*, 30(5), 643–660. <https://doi.org/10.1080/09638199.2021.1896769>
14. Likhacheva, A. (2021). Russia and Sanctions: The Transformational Domestic and International Effects of Unilateral Restrictive Measures. *Russian Politics*, 6(4), 478–502. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604005>
15. Mukhamediyev, B. M., & Spankulova, L. S. (2022). Mutual Influence of Innovation and Human Capital on Regional Growth in Neighboring Countries: The Case of Russia and Kazakhstan. *Regional Research of Russia*, 12(3), 350–364. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700216>
16. Osório, A., & Pinto, A. (2020). Income inequality and technological progress: The effect of R&D incentives, integration, and spillovers. *Journal of Public Economic Theory*, 22(6), 1943–1964. <https://doi.org/10.1111/jpet.12466>
17. Wang, M. C., & Shih, F. M. (2013). Time-varying world and regional integration in emerging european equity markets. *European Financial Management*, 19(4), 703–729. <https://doi.org/10.1111/j.1468-036X.2011.00623.x>
18. Fukuda, Y., Kimura, Y., Sudo, N., & Ugai, H. (2013). Cross-country Transmission Effect of the U.S.

Monetary Shock under Global Integration. Bank of Japan Working Paper Series, 13(16).

19. Dine, M. N. (2019). Impact of global value chains' participation on employment in Turkey and spillovers effects. *Journal of Economic Integration*, 34(2), 308–326. <https://doi.org/10.11130/jei.2019.34.2.308>

20. Law, C. H., Tee, C. L., & Lau, W. T. (2019). The Impacts of Financial Integration on the Linkages Between Monetary Independence and Foreign Exchange Reserves. *International Economic Journal*, 33(2), 212–235. <https://doi.org/10.1080/10168737.2019.1587488>

21. Qarni, M. O., & Gulzar, S. (2018). Return and Volatility Spillover across stock markets of China and its Major Trading Partners: Evidence from Shanghai Stock Exchange Crash. *Business & Economic Review*, 10(3), 1–20. <https://doi.org/10.22547/ber/10.3.1>

22. Darfo-Oduro, R. K. A., & Stejskal, J. (2022). FDI Spillover Channel and its Effect on Innovation. *European Conference on Knowledge Management*, 23(1), 289–296. <https://doi.org/10.34190/eckm.23.1.328>

23. Goczek, Ł., & Witkowski, B. (2023). Spillover effects of the unconventional monetary policy of the European Central Bank. *Quarterly Review of Economics and Finance*, 89, 82–104. <https://doi.org/10.1016/j.qref.2023.02.003>

Analysis of spillover effects in the economic literature in the context of integration processes

Shkiotov Sergei Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation.
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Annotation. The relevance of the study is due to the fact that the size and role of the Russian economy among the EAEU member states, as well as the scale of current political and economic challenges, make it the main generator of negative economic processes in the EAEU space. Understanding the spillover effects arising in the process of integration will contribute to the reduction of negative external economic shocks in the EAEU. The aim of the article is to identify spillover effects in the economic literature in the logic of the development of integration processes. The literature review analyzes relevant sources related to the economic context of spillover effects. This paper presents the second part of the literature review to identify the spillover effects arising from the integration of markets, countries and individual regions in the economic literature. As a result of the study, it was found that there is a certain consensus in the economic literature in understanding spillover effects primarily in the aspect of integration of financial and resource markets.

Keywords: spillover effects, literature review, integration, financial markets, crisis diffusion